

Ноябрь 1860

Реформы в Австрии. — Реформы во Франции. — Итальянские дела. —
6 ноября 1860 в Соединенных Штатах.

Когда обнаружилось, что прежнее неаполитанское правительство не удержится против Гарибальди, а еще больше, когда обнаружилось, что Виктор-Эммануэль не побоится принять под свою власть южную Италию и хочет низвергнуть светскую власть папы, Австрия увидела надобность остановить дело вооруженною силою, и воинственность венского правительства дошла до такого жара, что с каждым днем надобно было ожидать вторжения австрийских войск в Ломбардию, в отнятые у папы провинции, и в случае успеха в бывшее Неаполитанское королевство. Но наученное прошлогодним опытом, австрийское правительство хотело приобрести сил больше прежнего, чтобы вновь не испытать неудачи в задуманной войне. Чьи дела пойдут расклеиваться, тому все обращается во вред: захочет он быть отважным, окажется опрометчивым; захочет быть осмотрительным, окажется пропускающим удобное время. Так и австрийцы: в прошлом году они проиграли дело оттого, что погорячились; теперь проигрывают его оттого, что вздумали поступать осторожно. Читатель мог прежде не разделять наших чувств, когда мы хвалили австрийцев, потому что тогда мы руководились своим образом мнений, а в образе мнений люди могут расходиться; теперь не то: какого бы образа мыслей кто ни держался, всякий должен сострадать вместе с нами. В прошедшем году они подвергались несчастиям на полях битв, они лишились богатейшей провинции; но эти прискорбия вознаграждались отрадными фактами другого рода. Если война отняла у них Ломбардию, то Виллафранкский мир подарил им Венецию, — подарил, говорим мы, потому что никто из друзей Австрии, дней всего за 10 перед Виллафранкским миром, не мог ожидать, что она останется в их руках, и мы сами уже отказывались от этого упования, которого так долго и так крепко держались. Но маловерие, вторгавшееся

в наше сердце, пристыжено было великодушием императора французов. Возрастающая благосклонность победителя открывала потом Австрии перспективу, еще более отрадную: Цюрихский мир утешал нас обещанием восстановить двух герцогов и одного великого герцога, успокаивал нас составлением конфедерации, в которой все голоса были бы против Пьемонта, которая под председательством папы, под эгидою Франции, возвратила бы прежнюю тишину несчастным итальянцам, восстановила бы в ней прежнее уважение к советам Австрии, на одном лишь том условии, чтобы Австрия сама не выходила из-под влияния могущественного и благородного нового своего союзника; но это условие было так разумно, исполнять его было так легко для Австрии при полном согласии ее принципов с принципами великодушного победителя и покровителя. Не дурно стали устраиваться и внутренние дела Австрии, начинавшие было расшатываться от войны. Неудовольствие, овладевавшее всеми провинциями, начинавшее принимать опасный характер перед Виллафранкским миром, стало после него бессильным пустословием, вызывавшим только презрительную улыбку на лицах друзей Австрии: с возвращением войск, правда, побежденных неприятельскими армиями, но достаточно мужественных для рассеяния мятежников, благодаря искусству верных командиров в усмирении внутреннего врага, — с возвращением этих войск в Вену, в Пешт, Дебречин, Львов, Прагу и т. д. злоумышленники лишились возможности осуществить свои преступные замыслы; они отступились от намерения действовать, и лишь неосновательные люди продолжали еще роптать, не понимая, что прошло время, когда ропот был не лишен смысла; скоро и они стали замолкать, — вид Бенедика, окруженного 60-тысячным войском в Пеште, вид сподвижников Бенедика, окруженных достаточным для других провинций числом войска в других городах, охлаждал запоздалую горячку, и все возвращалось к спокойствию. Да, существовали тогда и отрадные явления; теперь не то. Теперь весь горизонт австрийских правителей покрыт тучами, сквозь которые не падает ни одного светлого луча. А отчего произошла вся беда их? Оттого, что запуганные прошлогодними следствиями своей опрометчивости, они вздумали осторожно и осмотрительно обезопасить себе верный успех. Они пропустили этим удобное время, — а удобное время было для них.

Месяца три тому назад, в последних числах августа, было уже видно, что Франциск II будет низвергнут, что неаполитанцы собираются провозгласить власть Виктора-Эммануэля, что он примет власть над ними и соединит Италию в одно государство. Вот этих немногих дней, прошедших между первыми успехами Гарибальди в Калабрии и выступлением сардинских войск на подавление Ламорисьера, не следовало бы терять австрийцам. Не следовало им довольствоваться посылкою по несколько человек

на подкрепление Ламорисьера, а прямо, открыто двинуть тысяч 50 или 80 австрийского войска на изгнание Гарибальди из неаполитанских пределов. Это можно было сделать, не касаясь земель, находившихся тогда под властью Виктора-Эммануэля: можно было переправить армию морем из Триэста или Венеции в Абруццы или другую неаполитанскую область. У Австрии нет военного флота, но купеческих пароходов и транспортных судов нашлось бы довольно: стесняться формами при такой безотлагательной надобности не стали бы австрийские правители: можно было без околичностей забрать под перевозку войск все купеческие суда в Триэсте и других австрийских портовых городах. Дело с Гарибальди было бы покончено в несколько дней, много в две недели, и Кавур не посмел бы шевельнуть пальцем, имея против себя на северо-востоке Верону и Мантую, а на юге 80 тысяч австрийцев с 50-тысячною армиею Франциска II и 30-тысячною армиею Ламорисьера. Он протестовал бы, да тем и кончил бы. Но Франция? Ведь Франция провозглашала, что не потерпит вмешательства в итальянские дела? Кто знаком с человеческими делами, знает, как легко было бы устранить это возражение. Австрийцы торжественно объявили бы и конфиденциально уверили бы, что они нимало не хотят касаться ни Пьемонта, ни Ломбардии, гарантированной ему Франциею; ни даже Тосканы, герцогств и Романьи, присоединение которых к Пьемонту не гарантировано и не одобрено Франциею; что они хотят только прогнать флибустьера из владений своего союзника и родственника короля неаполитанского и немедленно возвратятся назад в свои границы, как только восстановят его власть. Только то и было бы нужно. Чего хочет Франция? Только того, чтобы австрийцы не восстанавливали своего перевеса в Италии во вред французскому влиянию, и успокоить Францию в этом отношении было бы легко австрийцам: стоило бы объявить им, что они с радостью увидят, если французы будут помогать им в изгнании Гарибальди. Франция прислала бы еще несколько дивизий в Рим, заняла бы, может быть, Неаполь или другие пункты, увидела бы, что австрийцы не опасаются ее войск, смотрят на них как на союзников — и дело кончилось бы восстановлением Франциска II, и австрийцы, верные своему слову, возвратились бы домой, т. е. в Венецию, и южная половина полуострова была бы возвращена их союзнику и родственнику, а папа сохранил бы Умбрию и маркграфства. Если бы только уверить Францию, что цель австрийского движения состоит лишь в этом, Франция осталась бы очень довольна, потому что расширение власти Виктора-Эммануэля противно интересам императора французов, как известно всем. Другие великие державы одобрили бы такую помощь: одна Англия протестовала бы, — но опять известно, что войны за Италию не начала бы она ни в каком случае; а неудовольствие, ограничивающееся депешами и протестами, не слыш-

ком важная вещь. Смелостью и быстротою Австрия могла бы удержать в конце августа Италию от соединения в одно государство. А теперь уже поздно, соединение произошло; из 80 тысяч союзников, которых имела тогда Австрия в армиях Франциска II и Ламорисьера, осталось лишь несколько бессильных батальонов в Гаэте и в Риме, а армия Виктора-Эммануэля уже увеличилась несколькими десятками тысяч с той поры, увеличится еще сотнею тысяч или больше к весне. Потеряно австрийцами время; потеряли они его в напрасных стараниях обеспечить неудобно-исполнимыми средствами успех, зависевший от решительности и прямоты.

В прошедший раз мы говорили, какими способами думала Австрия упрочить успех себе в итальянской войне; теперь посмотрим, к чему привели ее эти способы.

Ей хотелось удержать Францию от сопротивления австрийскому вмешательству в итальянские дела. Можно было бы прямо согласиться с императором французов, если бы войти в его виды. Мысль о возвращении Ломбардии и о восстановлении надлежащего порядка в северной Италии следовало оставить до обстоятельств более благоприятных. Вместо этого Австрия вздумала составить коалицию восточной Европы, чтобы грозить вторжением через Рейн, если французы не дадут ей власти распоряжаться в Италии, как она хочет. Это значило требовать от императора французов невозможных вещей и прибегать к фанстастическим средствам для вынуждения у него согласия. Наполеон III, конечно, желает добра австрийцам, но благородное сочувствие к ним не доходит у него, как у человека расчетливого, до забвения о самом себе, до подрывания собственной власти из любви к австрийцам. Что сказала бы французская публика, если б он уступил австрийцам политическое первенство на западе европейского континента, — а предоставить австрийцам производ распоряжаться в Италии, как они хотят, значило бы ни больше, ни меньше, как предоставить им первенство, свести Францию на второе место между западными континентальными державами. «Это унижение для нас», — сказала бы французская публика, и власть Наполеона III поколебалась бы. А еще больше, если бы такая уступка была вынуждена у него угрозами, как думала сделать Австрия, — что сказала бы тогда французская публика? Она не стала бы и говорить ничего, потому что стала бы думать уже не о разговорах; потому-то Наполеон III, когда Австрия начала громко говорить о готовящейся коалиции, нашелся вынужденным произнести очень простые слова: «я не верю, будто бы составляется коалиция; но если она составляется, я не боюсь ее». Слова эти хороши тем, что справедливы. Наполеон III находится в таком положении, что коалиция не страшна ему; напротив, она была бы выгодна для него: коалиция против Франции довела бы национальное чувство французов до экстаза, который сде-

лался бы самую прочною опорою престола Наполеона III. Справедливы оказались его слова и в том отношении, что обнаружилась невозможность составить коалицию, о которой хлопотала Австрия. В самом деле, какая из континентальных держав считает возможным делом вторжение во Францию? Между тем император французов пока еще вовсе не готовится переходить за Рейн — дело идет вовсе не о том; опасность войны находится в Италии. Какою же опасностью угрожает, например, Пруссии война в Италии, и достанет ли у Пруссии средств посылать войска в Италию? Конечно, отправлять армию так далеко, значило бы посылать ее на гибель. Непостижимо, как австрийские правители считали делом возможным устроить коалицию, пока Франция не обнаруживает намерения вторгнуться в Германию.

Такою же непрактичностью отличались австрийские правители в исполнении другого своего способа обеспечить себе успех в задуманной войне с Италией. Мы уже говорили в прошлый раз, какими соображениями и обстоятельствами была произведена австрийская попытка, называвшаяся в официальных австрийских газетах введением конституционного устройства. Чтобы начать войну, было надобно успокоить внутренние провинции государства, ропот которых достигал силы, показавшейся австрийским министрам серьезною. Чтобы вполне оценить их искусство, надобно прибавить, что возбудили этот шум они же сами. Мы говорим не о том, что они держались системы, не согласной с желаниями публики, — за это порицать их не следует, иной системы не могли они держаться по своему положению. Вспомним, как нынешняя Австрийская империя возникла всего лишь 15 лет тому назад. Прежняя Австрия погибла для австрийцев в 1848 году: возмущились против австрийцев ломбардо-венетианцы, потом чехи, потом венгры, наконец и немцы. Мы несколько раз объясняли, что немцы, населяющие Тироль, эрцгерцогство Австрию и другие немецкие области Австрийской империи, — вовсе не австрийцы, точно так, как народ, населяющий Греческое королевство и Ионические острова, — вовсе не фанариоты¹, а просто греки. Австрийцы были изгнаны отовсюду, — не только из Милана, Венеции и Пешта, но даже из Вены, даже из Инсбрука*. По выражению Радецкого, Австрия тогда сохранилась только в лагерях тех войск, которыми командовали австрийцы, каковы, например, Радецкий и Виндиш Грец, несмотря на свои славянские фамилии; Гиулай и Бенедек, несмотря на свои венгерские фамилии. Австрия, существующая ныне, основалась в 1848 и 1849 гг. подвигами Радецкого, Шлика, Гайнау². На каких основаниях существовала прежняя Австрия, нам нет нужды разбирать здесь; довольно указать известный каждому

* Инсбрук. (Прим. ред.)

факт, что земли, ее составлявшие, или вовсе никогда не были завоеваны, а добровольно признали над собою власть австрийской династии, или завоеваны были так давно, что утратили сознание о том. Эта прежняя Австрия погибла в 1849 году и заменилась новым государством, происхождение которого мы объяснили.

Отношения между австрийцами и населением Австрийской империи были созданы вооруженною силою, и для упрочения этого порядка дел австрийцы были принуждены оставаться на военном положении среди своих подданных немцев, славян и венгров. 10 лет они оставались верны этой неизбежной для них политике, и все в Австрийской империи шло прекрасно, как мы доказывали с год тому назад выписками из очень основательной книги знаменитого австрийского ученого Чернига. Прошлогодняя война повредила делу. Пораженные страшными ударами, австрийские правители испугались поднявшегося ропота.

Австрийцам показалось, что ропот возбужден некоторыми недостатками прежней системы. Такое мнение, конечно, должно было произвести результаты, противные благонамеренным ожиданиям австрийских правителей для успокоения ропота. При заключении Виллафранкского мира даны были обещания внутренних улучшений. Каждый должен был понимать, что улучшения эти могут состоять лишь в усовершенствовании существовавшей системы. Но подданные Австрии перетолковали данные обещания превратным образом: они стали разуметь под улучшениями внутреннего порядка введение равенства вероисповедания, улучшение конкордата, ставившего школы в зависимость от иезуитов и других ультрамонтанцев, признание национальностей, предоставление каждой национальности независимого управления всеми ее делами. Несогласимость понятий не замедлила обнаружиться, лишь только австрийские правители стали исполнять свои обещания. Первое обещание, подвергнувшееся процессу исполнения, было предоставление льгот венгерским протестантам, находившимся под управлением иезуитов. Протестанты объявили, что не принимают второстепенных уступок и хотят, чтобы их церквам была дана такая же независимость, какою пользуется католическая церковь. Читатель понимает, что такой взгляд, такие желания никак не могут быть соглашены с австрийскою системою. Вместо примирения результатом улучшения вышло тут лишь то, что протестанты громко стали говорить о правах, которых никак не могут предоставить им австрийские правители. Точно таков же был результат всех других мер, принятых австрийцами для осуществления обещаний: ропот не успокоился, а только усилился. Мы не будем перечислять всех подробностей этого постепенного разочарования обеих сторон, — довольно будет заняться нам последним, самым громким последствием ошибочного взгляда австрийцев. Мы говорим о так на-

зывается введением представительного правления в землях Австрийской империи.

Когда мы писали политическое обозрение для прошлой книжки «Современника», мы имели еще только телеграфические известия о преобразовании, вводимом в Австрии дипломом 20 октября и истекающими из него статутами. Только в последние минуты, когда уже оканчивалось печатание нашей статьи, были получены номера газет, заключающие в себе текст диплома и сопровождавших его рескриптов. С тем вместе получены были телеграфические депеши, утверждавшие, что во всех частях империи реформа показалась очень удовлетворительною и была встречена с большою радостью и признательностью. Против этих данных, казавшихся столь положительными, мы могли говорить тогда, основываясь лишь на собственном впечатлении; оно состояло в том, что уступки, сделанные австрийскими правителями, не соответствуют расположению умов в завоеванных областях и не могут поправить прежних отношений. Скоро оказалось, что действительно так. Теперь все австрийские газеты наполнены фактами, показывающими, что уступки были напрасны.

Самое происхождение документов, возвещавших уступки, подтверждает ту простую истину, что австрийские правители увлеклись на путь, чуждый для них. В прошлом месяце мы указывали способ составления документов 20 октября, основываясь лишь на самом характере этих документов; теперь напечатаны положительные известия, показывающие, что дело происходило именно так, как мы тогда предполагали³.

Когда был распущен новый государственный совет, австрийские министры думали сначала, что можно обойтись без преобразований. Читатель помнит, что государственный совет составил два проекта преобразований. Огромное большинство государственных советников подписало проект, сочиненный графом Кламом-Мартиницем по согласию с венгерскими магнатами. Сущность проекта состояла в том, чтобы восстановить порядок дел, существовавший в XVII столетии. Этот порядок отличался от нынешнего двумя главными чертами. Во-первых, каждая область имела свое отдельное управление, и связью между областями служила только личная воля государя. Во-вторых, каждая область находилась под управлением местной аристократии. Эта вторая черта отличия прежних порядков от нынешних не была противна системе австрийских правителей, но было невозможно им согласиться на ослабление своей власти, требовавшееся для осуществления первой черты перемен, предлагаемых проектом этой партии. Они готовы были бы передать областные дела во власть местной аристократии лишь на том условии, чтобы эти местные правительства были подчинены центральному правительству, сохраняющему нынешние бюрократические формы.

Партия Клам-Мартиница хотела господствовать над бюрократией; австрийские правители могли сделать ее своею союзницею лишь с тем, чтобы она была исполнительницею распоряжений центральной бюрократии. Такое коренное разноречие желаний было причиною, что австрийские правители решились оставить без внимания проект большинства государственного совета. Проект меньшинства не годился для них потому, что носил некоторый отпечаток конституционных идей. Мы вовсе не то хотим сказать, что он предлагал ввести конституционное правление: меньшинство государственного совета состояло из людей, чуждых такой мысли; но они желали некоторых нововведений, ограничивавших самостоятельность распоряжений министерства. Австрийские правители нашли, что ограничения власти их — дело вредное для всего австрийского порядка. Словом сказать, проект меньшинства и проект большинства — оба казались неудобноисполнимыми для австрийских правителей, и оба были отложены в сторону.

На этом и хотели остановиться. Но публика толковала о возможности преобразований, будто бы обещанных после Виллафранкского мира. Австрийские правители поколебались в своей прежней решимости; они поддались влиянию общественного мнения и стали думать, что надобно сделать какие-нибудь преобразования. Совет министров начал совещаться об этом. Когда пошла речь о том, какими усовершенствованиями полезно было бы улучшить прежнюю систему, они не могли ни в чем сгласиться между собою. Время шло в бесплодных спорах; едва тот или другой министр предлагал ту или другую мысль, все остальные находили ее или вредною, или непрактичною. А между тем толки в публике становились все громче, да и дела в Италии требовали, по мнению австрийских министров, скорейшего успокоения внутренних провинций. Тогда австрийские министры обратились к проекту большинства государственного совета, чтобы переделать его. Но все-таки не могли они прийти ни к какому результату. Оказалась нужна посторонняя помощь. В составлении проекта большинства главное участие принимал граф Клам-Мартиниц. Чтобы переделать этот проект сообразно положению австрийских правителей, ближе всего было бы пригласить графа. Но, при всей своей благонамеренности, Клам-Мартиниц обнаружил в себе свойство, неудобное для австрийских министров: он хотел быть главою нового кабинета, хотел устранить всех прежних министров от должностей, заместив их людьми по своему выбору. Пришлось искать другого советника. Помощниками Клам-Мартиница в государственном совете были венгерские магнаты; между ними первую роль играл Сечен⁴. Министры обратились к нему; он обнаружил сговорчивость: удовлетворился званием министра без портфеля, т. е. члена совета министров, не имеющего никакой особенной части управления в своем за-

ведывании, и взамен за то взялся переделать проект большинства государственного совета сообразно с намерениями министров.

Содержание диплома объясняется его происхождением. Проект большинства государственного совета, поступивший в руки Сечена, имел, как мы замечали, две главные черты: во-первых, он устраивал областное управление так, чтобы вся власть принадлежала феодальным сословиям; во-вторых, он ограничивал власть центрального управления, давая областным правительствам независимость от центрального почти во всей администрации. Граф Сечен исправил проект так, что центральная бюрократия сохраняет всю свою нынешнюю власть; областные правительства действуют исключительно по ее распоряжениям. Но эта деятельность, состоящая в исполнении воли центрального правительства, передается в каждой области лицам, которых почтут достойными своими представителями местные феодальные сословия. Такое преобразование почтено было министрами и графом Сеченом за реформу, удовлетворительную для всех областей Австрийской империи, кроме одной Венгрии. Будучи сам венгерец, граф Сечен рассудил, что Венгрия не удовлетворилась бы этою сущностью дела, если бы сущность дела не была облечена в формы, приятные национальному чувству венгерцев. Венгерцам нравилось, что главный правитель королевства назывался у них в старину особенным именем палатина, а не просто наместником или генерал-губернатором, как в других австрийских землях; им льстило, что австрийский император имеет особенную коронацию, как король венгерский; наконец они жаловались, что немецкому языку дано в их земле первенство над венгерским. Граф Сечен объяснил остальным министрам, что надобно уступить Венгрии в этих случаях. Таким образом, в дипломе была отделена Венгрия от остальных земель, и назначены ей особые преимущества. Венгерский язык был признан официальным для дел внутренней венгерской администрации; обещано было, что император австрийский будет иметь особенную коронацию, как король венгерский; генерал-губернатору венгерскому присвоен был прежний титул палатина. Словом сказать, корпорации и сановники, установлявшиеся вследствие диплома, получили имена, заимствованные из прежнего венгерского устройства. От этого наружность дела имела для Венгрии другой оттенок, чем для остальных провинций, и в соблюдение такого различия диплом говорил о Венгрии отдельно от остальной массы австрийских областей. Граф Сечен, жертвуя отдельною областью благу австрийского правительства, не требовал для своей родины уступок, не согласных с духом реформ, делавшихся другим областям, а остальные министры согласились с ним, что имена сановников и учреждений в Венгрии должны быть более блестящими, чем в других областях, при существенной одинаковости устройства Венгрии и остальных провинций.

Еще более замечательна осмотрительность графа Сечена при назначении министра, который управлял бы Венгрию. Мелочные хлопоты, поглощавшие прежде значительную часть времени у министров вероисповеданий, полиции и внутренних дел, слагались теперь с чиновников центральных венских департаментов на областные управления. Прежде министры делали распоряжения и сами хлопотали о подробностях исполнения даже мало-важных распоряжений; теперь было решено, что по мало-важным делам они только будут отдавать приказания и иметь надзор за их исполнением, а самое исполнение мало-важных распоряжений возлагается на обязанность областных управлений. Через это должность министра значительно облегчалась, и найдена была возможность соединить в руках одного министра три отрасли управления, которые прежде были разделены между тремя министрами. Это соединение трех министерств в одно было облегчено тем, что граф Надашди, министр внутренних дел, и граф Тун, министр исповеданий, навлекли на себя неудовольствие первого министра, графа Рехберга, и принуждены были подать в отставку. Остальные министры решились не замещать этих должностей, сделавшихся вакантными, и таким образом прежний министр полиции, граф Голуховский, принял под свое управление министерства вероисповеданий и внутренних дел с титулом государственного министра. Но Венгрии давалось положение отдельное от остальных провинций, потому надобно было назначить отдельного сановника для заведывания по Венгерской провинции теми отраслями дел, которыми стал заведывать по другим провинциям граф Голуховский. Этому министру венских дел дано было старинное имя венгерского придворного канцлера. Граф Рехберг предложил звание венгерского придворного канцлера графу Сечену, как венгерцу. Но граф Рехберг не знал, до какой степени не любят венгерцы графа Сечена, который до 1848 г. был приверженцем Меттерниха и горячо боролся против национальной партии, а в 1848 г. держал сторону австрийского правительства в войне против мятежных своих соотечественников. Теперь он мог бы воспользоваться предположением австрийских министров, что его имя произведет хорошее впечатление в Венгрии; но он не захотел извлекать выгоды для себя из их ошибки и отказался от звания венгерского придворного канцлера; на это место рекомендовал он человека, вполне разделяющего теперь его убеждения, барона Вая.

Но, несмотря на высокое благородство графа Сечена, составившего диплом 20 октября, несмотря на то, что диплом этот содержал в себе крайние уступки, какие только может сделать австрийское правительство, опыт нового законодательства был холодно встречен народами. Такого результата следовало ожидать по изложенным нами отношениям австрийцев к населяющим Австрийскую империю немцам, славянам, венграм и итальян-

яниям. Мы еще яснее убедимся в его неизбежности, если ближе познакомимся с характером преобразований, провозглашенных дипломом 20 октября.

В то время, как мы пишем эту статью, постепенно обнародованы уставы для сеймов четырех провинций; Штирии, Каринтии, Зальцбурга и Тироля. Устав для Штирии явился первым, потому имел особенную важность в ходе окончательного установления мнений о новом устройстве. Это заставляет нас рассмотреть его с некоторою подробностью.

По второй статье статута, «ландтаг состоит из представителей духовенства, дворян и больших землевладельцев, городов, торговых и промышленных палат и прочих общин». По четвертой статье, президент ландтага назначается императором, а не выбором самих членов ландтага. По статьям 9, 10, 11 и 12, духовенство посылает на ландтаг 8 депутатов, дворянство 12, города 10 депутатов, торговая и промышленная палаты 2 депутатов, остальные герцогства Штирии 12 депутатов. Таким образом, из 42 членов ландтага, двум первым сословиям принадлежит 18. Во всех важных вопросах все эти 18 членов стали бы подавать голос как один человек; чтобы иметь на своей стороне большинство, им нужно было бы привлечь на свою сторону из остальных членов ландтага только 4 или даже только 3 человек, потому что президентом, конечно, всегда будет епископ или аристократ, так что при равном разделении голосов его голос всегда дал бы перевес их партии. По 24 статье, права ландтага состоят в том, что он «по предметам, касающимся благосостояния и нужд Штирии, может выражать желания или жалобы страны и представлять предложения и просьбы или непосредственно императору, или чрез наместника». Таким образом, он имеет совещательный голос, или, точнее говоря, право представлять свое мнение на благоусмотрение центрального правительства, а решения правительства принимаются совершенно независимо от ландтага. По 27 статье, это отношение устанавливается еще определеннее: «ландтаг выражает мнения по всем предметам, в которых правительство обратится к нему за советом», — таким образом, круг его деятельности, или, точнее говоря, круг дел, о которых он может представлять просьбы императору, определяется тем, о каких делах найдет нужным министерство советоваться с ним. Кроме этих дел, которые каждый раз указываются ландтагу волею министерства, он занимается совещаниями о постройке дорог и кадастровыми делами. Наконец он заведует раскладкою податей и повинностей по разным округам и общинам.

Прибавим, что депутаты от городов избираются не прямо самими горожанами, а городскими начальствами; депутаты других общин, то есть сельских общин, также не поселянами, а начальствами общин.

Следовавшие за этим уставом статуты Каринтии, Зальцбурга и Тироля были совершенно таковы же. Разница была только в числе членов сейма, соответственно разнице в величине и населении провинций. Но пропорция между представителями феодальных сословий и другими депутатами постоянно была такова же, как и в штирийском сейме: большинство было всегда обеспечено феодальным сословиям: так, например, тирольскому сейму положено было иметь всего 56 членов, по 14 от каждого из 4 сословий: духовенства, дворянства (которого почти нет в Тироле), горожан и поселян. При таком распределении представителей два феодальные сословия должны иметь большинство, хотя бы ни один из представителей горожан и поселян не присоединился к ним, потому что на их стороне был бы президент, голос которого решает при равном разделении голосов.

Но областные сеймы занимаются только делами отдельных областей; по делам всего государства дан был им при центральном правительстве особенный общий орган, под названием государственного совета. Читатель помнит из прежнего нашего обозрения, что члены государственного совета назначаются по выбору областных сеймов; каждый провинциальный сейм посылает в государственный совет соразмерное важности своей провинции число таких поверенных. Областной сейм должен был выбирать не прямо самых членов государственного совета, а кандидатов на это звание, в тройном числе против количества членов, какое определено было брать в государственный совет от провинции. Например, если бы в государственный совет назначено было взять пять человек членов из Тироля, то тирольский сейм должен был бы выбирать 15 человек, казущихся ему достойными такого назначения. Австрийское министерство удержало за собою право окончательного выбора пятерых членов государственного совета из этого представляемого ему списка 15 кандидатов.

Такая мера соответствовала назначению государственного совета; в самом деле, ему предоставлено было право «содействия» (*Mitwirkung*) по всем внутренним делам, превышавшим круг участия областных сеймов: через совещания государственного совета должны были проходить все вопросы о новых налогах, займах и законодательных мерах. Официальными разъяснениями было указано, что степень влияния государственного совета на все эти дела в точности определяется термином «содействия», которым обозначал диплом участие этого учреждения в государственном управлении. Разъяснено было, что «содействие» указывает на всегдашнюю готовность министров принимать к сведению мнение государственного совета. Но тут же было прибавлено, что «содействие» вовсе не означает «утверждения» или «согласия». Министерство оставляло за собою право поступать во всяком деле сообразно своему усмотрению, не стесняясь мнe-

нием государственного совета, если это мнение окажется не соответствующим правительственной надобности. Оно сделало государственный совет действительно собранием своих советников, мнение которых уважается, когда бывает хорошо, но не мешает надлежащему ходу дела, когда бывает неудовлетворительно. При таком условии государственный совет, получая возможность быть полезным для министерства, не мог служить препятствием к надлежащему порядку управления Австрийскою империею. Впрочем, на его совещание должны были предлагаться необходимые для государства меры только в обыкновенных случаях; а в чрезвычайных случаях, когда дело не терпело бы отлагательства или когда, по своему характеру или по своему отношению к публике, оно было бы не удобно для совещаний в многочисленном собрании, министерство оставляло за собою право делать все нужные распоряжения помимо совещаний с государственным аппаратом.

Из всего этого мы видим, что австрийское правительство не отступало от оснований прежней системы, оставляло за собою всю прежнюю власть. Две важнейшие отрасли государственных дел, — иностранная политика и военная часть, — были оставлены на прежних основаниях. Новыми формами облекался ход дел только по внутреннему гражданскому управлению, да и тут новые формы оставались без всякой силы вредить продолжению администрации на прежних основаниях. Мы говорили выше, что диплом 20 октября был ошибкою со стороны австрийского правительства; но ошибку надобно видеть не в характере установлений, вводимых этим дипломом, — нет, ошибка заключалась лишь в том, что австрийское правительство ожидало за него признательности от побежденных народов, думало, что делает им уступку. В этом своем предположении оно ошиблось.

Диплом 20 октября был истолкован как признание австрийцев в невозможности продолжать систему, по которой управлялась Австрийская империя. В самой Вене формально провозглашалось это. Все венские газеты каждый день твердят теперь, что австрийские правители объявили дипломом 20 октября несостоятельность прежней системы. Вот для примера несколько строк из венской газеты «Die Presse», — они взяты нами из номера, вышедшего 31 октября, через полторы недели после диплома:

«Благодаря могущественному влиянию государственного человека, властвовавшего над Германиею с 1815 года до весны 1848, союзный сейм забывал свою обязанность позаботиться о том, чтобы Австрия получила конституцию, и политическая жизнь Австрии замерла под ледяною рукою Меттерниха. Буря, пронесшаяся назад тому 12 лет по всей империи, пробудила и народы Австрии; но наставшая потом реакция уничтожила все, приобретенное ими, и Австрия сделалась политическою степью, на которой не мог явиться ни один зеленый колос какого-нибудь конституционного учреждения. Над этою политикою произнесен приговор ныне, произнесен

теми самыми людьми, которые в течение целого поколения были ее ревностнейшими защитниками, и теперь наконец, как видно из циркуляра Рехберга, императорское правительство начинает признавать за населением конституционные права».

С того времени венские газеты каждый день выражают эту мысль все резче и резче. Конечно, они ошибаются, утверждая, будто бы граф Рехберг и его товарищи имели в виду осуждение прежней системы, когда составляли и объявляли диплом 20 октября. Но вот именно то и следует назвать большою ошибкою, что они возбудили подобные толки документом, по своей сущности безвредным. Они слишком надеялись встретить в подданных тот же взгляд, каким проникнуты были сами. К сожалению, эта надежда на публику оказалась не соответствующею действительному характеру публики. Перспектива австрийского будущего омрачена, и уже произошло много прискорбных явлений.

Эти явления начали возникать с самого того дня, как появился диплом. Для примера приведем факты, которыми обнаружила холодность своих чувств самая столица Австрийской империи. Министерство ожидало, что Вена обнаружит признательность, и сообщило городскому начальству, чтобы оно облегчило своими распоряжениями вступление жителей Вены на прямой путь к выражению ожидаемого чувства. Городское начальство объявило жителям, что вечером 21 октября назначено быть городу иллюминированным, по случаю обнародования в утренних газетах того числа диплома с сопровождающими документами. Жители не последовали распоряжению городского начальства. Иллюминированы были только общественные здания и жилища официальных лиц, а частные дома оставались не освещены. Телеграфические депеши говорили, что вечером 21 октября обнародование диплома было отпраздновано иллюминациями в Праге, Линце, Граце, Триесте и т. д. Но повсюду иллюминация ограничивалась теми же зданиями, как в Вене; ни один город не имел надлежащей иллюминации. Несмотря на слухи, что повсюду диплом возбуждает неблагоприятные отзывы, министры продолжали начатое преобразование и чрез несколько дней после диплома явился устав для сейма герцогства Штирии, а за ним, как мы говорили, стали поочередно являться подобные же уставы для Каринтии, Зальцбурга и Тироля. Чтение этих документов усилило неблагоприятное впечатление и даже представило юридические предлоги для формального заявления недовольства.

Читатель помнит, что представители от городов выбираются в областные сеймы не горожанами, а городскими начальствами. Надобно знать, что когда реакция еще должна была несколько стесняться брожением умов, она издала довольно много законов, в которых были либеральные подробности: эти законы были отменены или оставлены без действия, когда новый поря-

дел упрочился и всякая опасность беспорядков показалась устраненною. К числу законов 1849 года, не отмененных, но потерявших действительную силу, принадлежал устав городского управления. В немногих городах начальства успели быть выбраны прежде, чем закон этот потерял силу. Да и в этих городах состав городского управления был впоследствии преобразован назначением других людей или оставлением выбранных в 1849 г. начальников на должностях по истечении срока, когда надобно было бы по бездействующему закону произвести новые выборы. В других городах закон этот и с самого начала не был применен к делу, и управление еще в 1849 г. поручено лицам по назначению министров. Когда уставы для областных сеймов некоторых провинций были обнародованы, городские начальства этих провинций заявили начальству, что не могут выбирать депутатов на сеймы потому, что сами не имеют законного существования, занимая свои должности в противность закону 1849 года. Из других провинций стали приходить в Вену от городских начальств такие же заявления, что если по уставам сеймов этих провинций будет возложена на городские начальства обязанность выбирать депутатов, то они, нынешние городские начальства, не могут признать за собою права заняться этими выборами. Сделав один шаг по несвойственному пути, министерство нашлось теперь вынужденным сделать второй шаг: протесты городских начальств стали так многочисленны, что оно уступило, и теперь объявлено, что возобновляется действие закона 1849 г. о городском управлении и будут произведены на его основании выборы новых городских начальств.

Обнаруживается факт, прискорбнейший всех прежних: некоторые из провинций, еще не получивших нового устройства, присылают в Вену уверения, что не могут принять уставов, подобных обнародованным для Штирии, Каринтии и т. д. Такие протесты присланы, между прочим, из Праги и других чешских и моравских городов; то же самое объявили города верхнего и нижнего эрцгерцогств австрийских, в том числе Вена. Надобно надеяться, что австрийские правители не уступят таким требованиям и обнародуют для остальных провинций уставы, подобные уже обнародованным. Но если бы министерство и уступило, то уступки, конечно, не будут касаться существенных оснований, а изменят лишь некоторые подробности, могущие быть приложенными так или иначе к основным принципам нынешней системы.

Самая неприятная часть Австрийской империи — Венгрия; она кажется нам не только хуже Вены или Праги, а даже Венеции. Если б Венгрия стала держать себя иначе, миновалось бы тяжелое положение дел и в Венеции. По упорству Венгрии найдено было нужным дать ей, как мы говорили, исключительное положение. Не то, чтобы принципы нового устройства, обеща-

ного венграм, существенно отличались от реформ, которыми представляются перечисленные нами права другим областям, — нет, но нашли нужным польстить самолюбию венгров уступками, которые считали совершенно достаточными для венгров. Мы уже говорили, что венгерский наместник будет называться старинным именем палатина, что сановник, управляющий в Вене венгерскими делами, будет называться старинным именем венгерского придворного канцлера, и т. д.; кроме того, венгерскому областному сейму предоставлен круг занятий, более обширный, чем другим областным сеймам. Мы знаем, что все важные дела должны решаться в Вене, как было до сих пор, с прибавлением формальности суждения о них в государственном совете, если министры найдут удобным, или и без этой формальности, если министрам покажется она неудобной. Венгрия не должна служить исключением из такого правила: и по ее внутреннему управлению все важные дела решаются в Вене. Но из маловажных дел предоставляется венгерскому провинциальному сейму рассмотрение многих таких, которые не подлежат ведению других областных сеймов; второстепенные законы для Венгрии будут обсуживаться венгерским сеймом, мнение которого не обязательно для венского министерства.

Венгры разделяются на три или, собственно говоря, на две партии. Половина населения держится партии Кошута; другая половина нации, так называемая умеренная партия, попрежнему хочет, чтобы Венгрия составляла государство, совершенно отдельное от Австрийской империи, с которой была бы соединена только одинаковостью династии, как Норвегия соединена со Швецией. Это требование называется «требованием восстановления старинной конституции с изменениями, сделанными в ней в 1848 г.». Изменения, сделанные в 1848 г., состояли в том, что отстранена была всякая возможность вмешательства венского правительства в венгерские дела: в столице Венгрии, Пеште, было учреждено отдельное министерство, находившееся к венскому лишь в тех отношениях, в каких находятся два правительства совершенно различных государств, — например, английское к французскому или испанское к португальскому. К этой умеренной партии и к радикальной или коштутовской партии принадлежат венгры, за исключением нескольких лиц, составляющих третью партию. Эти немногие люди — люди, бывшие приверженцами Меттерниха и оставшиеся верными Австрии в эпоху восстания. Они магнаты, но и между магнатами составляют лишь незначительную пропорцию. Эта так называемая старая консервативная или австрийская партия надеялась склонить умеренную партию к принятию диплома 20 октября. К несчастью для Австрийской империи, она ошиблась в благонамеренном расчете. В Венгрии диплом был принят холоднее, чем где-нибудь. В других больших городах недовольство в первые дни по его

обнародовании выразилось лишь отказом от приглашения к иллюминированию домов; в Пеште оно дошло до столкновения толпы с австрийскими войсками. Вот отрывок из корреспонденции «Times'a» об этой сцене (берем рассказ «Times'a» собственно потому, что он умереннее рассказов, сообщенных немецкими газетами, которые самым непатриотическим образом выражали свое сочувствие к венграм неприятными словами об австрийцах; должно сказать, что это относится и к газетам, издающимся в самой Вене).

«Вот подробности о беспорядках, произошедших в Пеште вечером 23 октября. В понедельник, 22 октября, городской совет пригласил жителей венгерской столицы иллюминировать дома в выражение благодарности императору за восстановление конституции. Во вторник, утром (23 октября), до генерала Бенедек дошло, что в случае устройства иллюминации произойдут беспорядки; потому он приказал городскому начальству объявить домохозяевам, чтобы они не освещали домов. Вечером погода была чрезвычайно хороша и улицы были полны народа; но не было никаких признаков произвести беспорядок в городе до 8 часов вечера; в это время толпа молодежи пошла по Вайденской улице (главной улице Пешта) с свистом и криком. В первом этаже дома, занимаемого гостиницею «Венгерского короля», была выставка стереоскопных картин и за транспарантом в одном из окон был яркий свет. Увидев это, молодежь начала кричать больше прежнего и бросать в окно мелкими медными деньгами. Явились сильные патрули и прямо бросились на толпу. В то же время было другое столкновение между войсками и народом на площади нового рынка. Отряды пехоты и конницы бросились на него. Между прочим, солдаты входили в кофейную Зрини и выгнали оттуда посетителей. Несколько человек было арестовано».

Бенедек, венгр по происхождению, выказал тут мужественную откровенность намерений и чувств. Вместе с дипломом 20 октября был обнародован рескрипт, которым Бенедек из должности венгерского генерал-губернатора перемещался на должность главнокомандующего австрийскими войсками в Венецианской области. Готовясь проститься с правителем соотечественником, городское начальство Пешта явилось к нему с поднесением грамоты на звание пештского гражданина, как некогда лондонская сити подносила Веллингтону титул лондонского гражданина. Это было после сцены 23 октября. «Погодите подносить титул вашего согражданина до той поры, когда не будет бесчестно называться пештским гражданином», сказал Бенедек явившейся к нему депутации. «Вы знаете Бенедек только наполовину, — продолжал он. — В следующий раз я не посмотрю на то, сколько вас надобно будет перебить». Давая обещание охранять порядок с непоколебимою твердостью, Бенедек разумел или то, что еще остается в Пеште на несколько времени (он уехал в Венецию лишь в половине ноября), или то, что в случае надобности возвратится в Венгрию из Венеции. Но несмотря на такую сильную поддержку, дело об осуществлении диплома 20 октября встречает затруднения.

Мы видели, что для других провинций состав областных сеймов и способ избрания депутатов определялся прямо решением министерства. Сечен и его товарищи полагали, что подобное распоряжение относительно венгерского сейма произведет слишком дурное впечатление в Венгрии. Министры объявили, что должна собраться из венгерских магнатов предварительная конференция для составления проекта избирательного закона. Результаты такой уступки не замедлили обнаружиться. Первоначально Сечен и Вай хотели созвать на конференцию исключительно своих политических друзей. Но тотчас же обнаружилось, что такая конференция не имела бы нравственной силы над мнением страны, которая отвергла бы ее постановления. Оказалась необходимость пригласить на конференцию нескольких людей национальной партии. Но умеренные люди национальной партии решились явиться на конференцию лишь затем, чтобы объявить незаконность конференции, выразить мнение, что всякие совещания о составе сейма, и способе выборов незаконны, что выборы должны происходить по избирательному закону 1848 года. Такая неожиданность принудила министров отлагать конференцию с одного срока на другой, наконец отложить ее бессрочно. Как распутается это затруднение, неизвестно.

Точно такое же неудобство встретилось в преобразовании венгерской администрации. По прежнему порядку, Венгрия делилась на комитаты, имевшие самоуправление по своим делам. Эта комитатская администрация была отменена, и страна, населенная собственно венгерским племенем, разделена на 5 больших округов, управлявшихся австрийскими начальниками. Теперь вздумали возвратиться в некоторой степени к формам прежнего национального управления, и явился список венгерцев, назначенных начальниками или «жупанами» (*Obergespan*) восстанавливаемых комитатов. По обычаю, этих лиц не было предварительно спрошено, согласны ли они принять даваемое им назначение. В список жупанов попало человек 12 или 15 умеренной национальной партии. Что же вышло? Все они отказались от должностей.

Будем надеяться, что искусство австрийских правителей найдет средства к устранению всех неприятных последствий диплома 20 октября. Но до сих пор он произвел для них одни только неприятные следствия.

Во всяком случае, если бы ошибка и была еще исправима, очень дурно то, что потеряно благоприятное время к усмирению внутренних врагов, получающих силу от успехов внешнего врага — итальянского единства. Несколько месяцев тому назад, как мы говорили, легко было бы решительными и быстрыми действиями восстановить власть Франциска II, удержать власть папы в областях, остававшихся у него к весне нынешнего года.

Время это потеряно в бесплодных попытках приобрести внешних союзников и успокоить внутреннее недовольство, а теперь справиться с Италией уже не так легко.

Когда мы писали обозрение в прошлом месяце, Сицилия, Неаполь, занятые пьемонтцами папские области собирались восторговать свое присоединение к королевству Виктора-Эммануэля, радикалы были побеждены умеренными, Гарибальди готовился сдать сардинским генералам продолжение войны с Франциском II и министерству Кавура управление южною Италией. Положение дел было уже так определительно, что можно было вперед знать события, которые произошли с тех пор.

Сардинские войска приближались с северо-запада, из бывших папских владений, через Абрुццы, к театру войны. Гарибальди ожидал их в бездействии, чтобы передать им свои позиции. Приблизился король. Гарибальди поехал навстречу ему, обнялся с Чальдини, находившимся в авангарде королевской армии, но король при встрече только подал ему руку, не слезая с лошади. Уже и прежде Гарибальди испытал много естественных неприятных для себя и для своих волонтеров последствий своего дела. Теперь он и волонтеры подверглись оскорблениям, которых были достойны. Конечно, они передавали Виктору-Эммануэлю и Кавуру области, равнявшиеся своим населением всему прежнему королевству северной Италии; конечно, они делали Виктора-Эммануэля из слабого, зависимого от покровительства соседей государя, — государем могущественным. Но все-таки они представляли собою революционный элемент, которого не могло терпеть благоустроенное правительство; самые претензии их на имя освободителей южной Италии, на имя основателей итальянского единства были несносны, а предприимчивость их, до сих пор бывшая столь полезною для Виктора-Эммануэля и Кавура, казалась опасною для будущего; пока оставались волонтеры и Гарибальди, умеренная партия не могла ручаться, что они не увлекут Италию в столкновения с Франциею и Австриею, с которыми не следует теперь ссориться, по мнению умеренной партии. При таких отношениях и расчетах необходимо было принудить Гарибальди удалиться и уничтожить опасную силу волонтеров. Надобно сказать, что Кавур и его товарищи приняли все меры, нужные для достижения такой цели. Начать с того, что еще задолго до вступления Виктора-Эммануэля в Неаполь выбор лиц, назначенных управлять Неаполем и Сицилиею, сделан был такой, чтобы Гарибальди и волонтеры ясно видели, что стали ненужны и неуместны при учреждении правильного управления. Этой цели соответствовал и выбор генералов, сопровождавших Виктора-Эммануэля в Неаполь. Вот небольшой отрывок из неаполитанской корреспонденции «Times'a», относящийся к тому времени, когда Виктор-Эммануэль направлялся к Неаполю:

«Вероятно, граф Кавур и его товарищи были далеки от намерения оскорблять диктатора без всякой надобности; но я не могу равнодушно читать статью «Diritto», в которой перечисляются один за другим новые чрезвычайные комиссары и их секретари и оказываются людьми по разным причинам самыми враждебными Гарибальди. Король въезжает в Казерту, имея подле себя Фарини, как советника по гражданским делам, и Фанти, как начальника своего штаба. А эти люди, Фарини и Фанти, те самые люди, которые остановили в начале нынешнего года задуманный Гарибальди поход в Папскую область и Неаполь из Романи. Вальфре, едущий также с королем, чтобы принять начальство над артиллериею, был первым секретарем при Ла-Марморе и разделял, даже утрировал, презрение и антипатию Ла-Марморе к волонтерам; справедливо или несправедливо — Вальфре считают причиною всех неприятностей, которым подвергались волонтеры Гарибальди в ломбардском походе. Как ни велико самоотвержение Гарибальди, но каково будет для него, ради короля, подать руку этим сановникам короля. Чувство прискорбия и унижения, которое пробудится в нем видом этих людей, не будет смягчено известиями, которые привезет ему король, — известиями, что Фарини назначен королевским генеральным комиссаром в Неаполе, а Монтецемоло — королевским генеральным комиссаром в Палермо, — Монтецемоло, который был, к несчастью, губернатором Ниццы в то время, когда готовилась уступка Ниццы, который был исполнителем всех уловок, всех действий, какие принуждено было делать правительство графа Кавура, жертвовавшее требованием Франции не только двумя областями королевства, жертвовавшее также правительственной честью, правами парламента и народа. Не успокоит Гарибальди и то, что генерал-секретарем сицилийского правительства, помощником Монтецемоло, назначен Кордова, — Кордова, которого диктатор почел нужным всего две недели тому назад изгнать из Неаполя и Сицилии. Еще хуже того, если справедлив слух, что министром внутренних дел в Сицилии назначается Ла-Фарина, — Ла-Фарина, которого диктатор всегда считал злейшим из своих личных врагов».

Мы обращаем внимание не на то, что партия, доставившая Виктору-Эммануэлю власть над южною Италиєю, совершенно устранялась от управления делами в южной Италии, — положим, что Кавур естественно должен был назначить правителями людей своей партии, — нет, мы говорим совершенно о другом обстоятельстве. В числе вернейших своих приверженцев Кавур мог найти множество лиц, не имевших личных столкновений с Гарибальди; почему же выбраны были именно те немногие, назначение которых было личною обидою для него по прежним личным неприятностям его с ними? Разве, например, нет в сардинской армии генералов, кроме Фанти? Зачем же именно Фанти, а не другой какой-нибудь генерал, был послан сопровождать Виктора-Эммануэля? Выбор произведен был с явным расчетом оскорбить Гарибальди. Или некого было послать в Неаполь, кроме Фарини, некого послать в Палермо, кроме Ла-Фарини?

Мы говорили, что когда пьемонтские войска двинулись на войну с Франциском II, Гарибальди прекратил всякие наступательные действия, с патриотическим расчетом решившись оставить честь победы тем людям, хотя и своим противникам, которые будут управлять Неаполем, чтобы славою сардинской армии

упрочить власть Виктора-Эммануэля. Но когда пьемонтская армия пришла под Капую, Гарибальди, конечно, должен был сказать, что его волонтеры не отказываются помогать пьемонтским, хотят сражаться рядом с ними. Виктор-Эммануэль отвечал на это, что если Гарибальди хочет принимать участие в военных действиях, то пусть обратится за инструкциями к делла-Рокке, командующему пьемонтским корпусом, действующим против Капуи. Это значило, что Гарибальди отдается под команду одного из второстепенных пьемонтских генералов.

Под команду к нему Гарибальди не поступил, но в случае нужды волонтеры помогали сардинцам. Наконец, капуанский гарнизон предложил сдаться. Гарибальди, дававший неаполитанцам самые почетные, по военным правилам, условия капитуляции, чтобы не унижать и не раздражать солдат, пригодных впоследствии служить итальянскому делу, соглашался на условия, предложенные гарнизоном Капуи. Но делла-Рокка не согласился, требуя условий менее почетных для гарнизона, и возобновил бомбардировку крепости. Гарибальди был вне себя от негодования, увидев это бесполезное продолжение побоища.

Как поступали Кавур и пьемонтские генералы с Гарибальди, точно так же поступали пьемонтские офицеры и солдаты с волонтерами; следуя примеру начальников, они третировали волонтеров с пренебрежением, как людей плохо знающих формальную сторону службы. Читатель знает, что лишь в последнее время начал проникать в пьемонтскую армию боевой дух, ставший способностью храбро сражаться выше плацпарадной выправки; еще недавно господствовали в ней педанты, влияние которых на умы офицеров остается до сих пор сильно. В прошедшем году, до присоединения Тосканы, герцогств и Романьи к Пьемонту, командуя армиею центральной Италии, Фантин отказывал в принятии людям, добровольно пришедшим за сотни верст поступить в солдаты, когда эти люди были на четверть дюйма ниже мерки или были одним месяцем моложе определенного возраста. Люди этой категории еще многочисленны между сардинскими командирами и офицерами. Можно вообразить себе, как смотрели они на волонтеров, умевших только сражаться.

Среди ряда неприятностей Гарибальди и волонтеры имели один торжественный день, — день раздачи медалей тем храбрым, которые уцелели из тех 1062 человек, высадившихся с Гарибальди в Марсале, и взяли Палермо, принудив сдаться на капитуляцию двадцатитысячную армию. Медаль была выбита в честь их городским правительством Палермо. Герцогиня Вердура с депутациею от города Палермо привезла ее в Неаполь и сама навешивала на грудь каждому. По списку вызывали одного за другим, — но лишь на меньшую половину вызовов являлись вызываемые, а чаще вслед за именем вызываемого слышался

ответ товарищей: «убит». Из 1 062 человек уцелело только 457. Медали убитых были отданы их семьям, в воспоминание о признательности сицилийцев. В числе получивших медаль находилась одна дама, — г-жа Криспи, супруга того Криспи, который был душою сицилийской радикальной партии. «Она достойна медали не меньше, чем кто-нибудь из нас, — сказал Гарибальди, — она была единственная женщина, сопровождавшая нас в марсальской экспедиции».

Торжество волонтеров марсальской экспедиции было последнею светлою сценою жизни Гарибальди и волонтеров в последние недели. Скоро пришла минута уничтожения армии и удаления ее предводителя.

7 ноября Виктор-Эммануэль приехал в Неаполь; Гарибальди с своими продиктаторами, — неаполитанским Паллавичино и сицилийским Мордини, — явился на другой день передать ему власть, и король назначил своих заместников в Неаполь и Палермо. Мы не будем повторять здесь всех разноречащих слухов об обидах, которым подвергся Гарибальди в эти дни. Довольно будет упомянуть о фактах, достоверность которых уже разъяснена полемикой.

Гарибальди с Паллавичино и Мордини явился встретить короля на станции железной дороги. Король пригласил в свой экипаж Гарибальди и Паллавичино, но не почел достойным этой чести Мордини, которого давно уже выставили злодеем за то, что он не вошел в сношения с Кавуром против Гарибальди, как вошел Паллавичино; притом же Паллавичино — маркиз, а Мордини — что-то вроде адвоката или медика или чего-то подобного, не больше. Несмотря на звание продиктатора, Мордини не имел денег, чтобы обзавестись экипажем. Во время приезда короля шел проливной дождь, а король прибыл в Неаполь с экстренным поездом гораздо прежде, чем его ждали, потому около станции не было народа, не было и ни одного извозчика. Мордини отправился домой пешком по грязи, под дождем. Когда Гарибальди сел в экипаж с Виктором-Эммануэлем и увидел, что Мордини тут нет, а садится в экипаж только Паллавичино, он вспыхнул: в самом деле, пренебрежение к Мордини было пренебрежением к нему самому, при известной дружбе его с сицилийским продиктатором. Нечего было делать: догнали Мордини, воротили, посадили в экипаж рядом с Паллавичино.

Виктор-Эммануэль предложил Гарибальди орден Аннунсиады; Гарибальди сказал, что он носить орден не может, но просил короля дать эту награду обоим продиктаторам. На другое утро, когда продиктаторы и министры собрались в комнату Гарибальди, чтобы отправиться к Виктору-Эммануэлю и передать ему власть, Паллавичино был украшен орденом Аннунсиады, а Мордини нет. Гарибальди опять не выдержал, рассердился, стал упрекать Паллавичино, зачем он принял орден, который

не дан его товарищу, такому же продиктатору, как он. Но через несколько минут дело разъяснилось: Паллавичино сообщил Гарибальди, что Мордини сам прислал к королю письмо, в котором отказывался от ордена. Гарибальди успокоился. Но через несколько часов узнал, что прежнее объяснение было не совсем полно. Мордини было сообщено, что король не хотел бы давать ему ордена, но затрудняется, как отказать ему, когда этого требовал Гарибальди. Услышав это, Мордини написал письмо, которое вывело Виктора-Эммануэля из затруднения.

Все это мелочи, но они достаточно показывают, что Гарибальди и его помощники унижены от тех самых людей, в пользу которых работали. Если такое пренебрежение высказывали диктатору южной Италии даже в вещах неважных, то можно сообразить, какой ответ слышал он на свои требования в важных делах. Давно уже он видел, что чем скорее убраться ему на Капреру, тем лучше. Он даже не хотел дожидаться приезда Виктора-Эммануэля в Неаполь, но его убедили не обнаруживать разрыва с такою резкостью. Потом он хотел уехать тотчас же после аудиенции 8 числа, в которой передал власть Виктору-Эммануэлю; его опять успели удержать до следующего утра, чтобы смягчить впечатление, какое должен был произвести его отъезд. Ему выражали готовность согласиться на все его требования, какие только могут быть исполнены, но оказалось, что не могут согласиться ни на одно из них. Конечно, не весь ход этих переговоров известен теперь с точностью. Раза два или три Гарибальди говорил с Виктором-Эммануэлем наедине и не рассказывал потом никому, кроме своих ближайших друзей, о чем шла речь. Известно только в общих чертах, что Гарибальди соглашался остаться, если дозволит ему занимать положение, не зависимое от туринского министерства, враждебного ему. На это не согласились. Тогда он просил, по крайней мере, чтобы сохранена была отдельная организация армии волонтеров, — не согласились и на это. Наконец он просил хотя того, чтобы признаны были офицерские чины за людьми, произведенными им в его армии, — не согласились и на это. Он уехал 9 сентября на рассвете, когда город еще спал, чтобы не возбудить своим отъездом демонстрацию. С ним отправилось на Капреру человек семь тех ближайших его друзей, которые не были удержаны своими обязанностями при агонии, прекращавшей существование армии волонтеров. Тюрр, Козенц, Сирторий не могли уехать из Неаполя: они остались, чтобы защищать по возможности своих товарищей. Учреждена комиссия для пересмотра офицерских списков армии Гарибальди, чтобы уволить от службы «опасных» или «недостойных» людей, которые успели войти в ряды волонтеров, но не должны бесславить собою корпус офицеров регулярной итальянской армии. Оставлены будут чины лишь тем из них, которых пьемонтские генералы признают

заслуживающими снисхождение. Гарибальди успел добиться лишь того, что Сирторий, Козенц и Тюрр допущены в пьемонтскую комиссию, которая будет судить офицеров бывшей армии Гарибальди. А между тем армия эта быстро исчезает: с каждым днем расходятся из рядов ее сотни патриотов. Желание Фанти в том именно и состоит, чтобы поскорее избавиться от этого беспорядочного собрания людей. Уже два раза удавалось пьемонтским генералам уничтожать войска волонтеров, собиравшихся около Гарибальди: по заключении Виллафранкского мира они успели уничтожить корпус альпийских стрелков, с которым действовал Гарибальди в северной Ломбардии. Через полгода они, и главным образом именно Фанти, успели уничтожить второе такое войско, собранное Гарибальди в центральной Италии; нет никакого сомнения, что и в нынешний раз их усилия увенчаются успехом; вернее сказать, они уже увенчались почти полным успехом; через полторы недели по отъезде Гарибальди не осталось в рядах армии волонтеров и третьей части людей, составлявших ее; не замедлит разойтись и эта последняя треть. Мы хвалим ревность, с какою спешил Кавур наказать Гарибальди и его товарищей за революционный дух, двинувший их против короля неаполитанского. Кавуру нельзя было не воспользоваться плодами дела, совершенного Гарибальди, но он не мог, чтобы не наказать его всевозможными унижениями. Это хорошо; но Кавур увлекся избытком усердия. Он держится своею дипломатическою репутациею так твердо, что не боится ни Гарибальди, ни его друзей. Но, если безвредно остается для самого Кавура впечатление, произведенное на итальянскую публику удалением Гарибальди, то вредно оно для итальянского дела. Кавур во многих поколебал этими оскроблениями преданность к Виктору-Эммануэлю, внес сильнейшую причину раздора в умы итальянских патриотов.

Но между тем единство Италии устраивается и упрочивается. Через год или через два может быть уже не будет возможности раздробить государства, собравшиеся теперь под власть Виктора-Эммануэля. Будем ждать, как переживет оно опасности, которыми окружено его возникновение. Австрийцы потеряли время для начатия войны и теперь, повидимому, не думают начинать ее раньше следующей весны. Посмотрим, успеют ли итальянцы приготовиться к войне до весны; но если не успеют, то виноваты будут уже сами. У них есть время до той поры сформировать такую армию, против которой австрийцы не могли бы вести наступательной войны.

Положение дел сомнительно не в одной Австрии. Несколько раз мы упоминали о разных признаках умственного беспокойства во Франции. Симптомы эти мелки, потому что крупных не может быть в нынешней Франции: она вся как будто отлита из чугуна, который сохраняет наружную крепость до той

минуты, когда вдруг распадается⁵. Но само французское правительство озабочивается признаками движения, предсказывающими неприятности. Постоянно носят слухи, что оно думает преобразовать конституцию в либеральном смысле. Эти слухи повторяются иногда с опровержениями, иногда с подтверждениями в полуофициальных французских газетах. Было бы неосновательно ожидать их осуществления в значительном размере, но в незначительной степени они оправдываются известиями, что дается некоторый простор прениям законодательного корпуса. Будем надеяться, что уступка окажется не портящею нынешнего порядка, но все-таки она свидетельствует о каком-то внутреннем колебании.

Точно такое же стеснение прежних твердых начал неблагоприятным расположением умов обнаруживается и во французской политике относительно Италии. Во всем видно желание поддержать Франциска II, но никаких решительных мер не принимается против основывающегося Итальянского государства. Все ограничивается пока только тем, что сардинскому флоту не дозволено было участвовать в осаде Гаэты; но это лишь оттягивает несколькими неделями развязку, нисколько не увеличивая шансов Франциска II. Война идет к своему концу по программе, развитие которой можно было предвидеть заранее. Сардинцы разрезали войска Франциска II на три части, — разорвав сообщения действующей армии с гарнизонами Гаэты и Капуи. Капуя сдалась; через несколько дней действующая армия оттеснена была в папские владения и там положила оружие; остается только Гаэта, осада которой не представляет ничего сомнительного в своем ходе. Франция не делала до сих пор ничего такого, что могло предотвратить исход дела, всеми давно предусматриваемый. Со стороны Франции тут недостаток не в доброй воле, а лишь в возможности действовать без риска для внутреннего существующего порядка.

Соображая все, приходишь к одному заключению: трудно надеяться на такое счастье, чтобы следующая весна не принесла с собою Западной Европе сотрясений. Из вероятных для Западной Европы шансов наименее невыгодный для существующего порядка был бы тот, когда бы столкновения ограничились какою-нибудь войною между теми или другими державами, без внутренних смут; но этого шанса нельзя назвать вероятнейшим. Итальянские события уже оказывают заразительную свою силу в Австрии и в расположении умов французов.

К числу важнейших событий следует отнести поражение так называемой демократической и торжество так называемой республиканской партии в Соединенных Штатах, при выборе президента. Это факт, едва ли уступающий своею значительностью итальянским событиям двух последних лет. Не то, чтобы от выбора Линкольна⁶ надобно было ожидать немедленных перево-

рогов, — теперь все видят, что восторжествовавшие противники невольничества еще не в силах принять мер к освобождению негров в южных штатах, а побежденные рабовладельцы не в силах поднять южные штаты к отторжению от союза. Но 6 ноября [1860] г., день, когда победа осталась на стороне партии, имевшей своим кандидатом Линкольна, этот великий день — начало новой эпохи в истории Соединенных Штатов, день, с которого начался поворот в политическом развитии великого североамериканского народа⁷. До сих пор над его политикой господствовали южные плантаторы, люди знатные и гордые своею знатностью. Их партия называется теперь демократическою, но в сущности она была олигархическою. Теперь земледельцы Севера и Запада, — земледельцы в буквальном смысле слова, люди, возделывающие землю своими руками, — первые сознали в себе силу обойтись без опеки южных олигархов и управлять союзом. 6 ноября 1860 года они свергнули иго, лежавшее на них в течение многих десятилетий, и каким бы колебаниям ни было подвержено в будущем продолжение борьбы, они пойдут и пойдут к своей цели, к восстановлению политики Соединенных Штатов на высоту, которой не имела она со времен Джефферсона; начнет воскресать белое население Юга, не имеющее невольников, и через несколько времени оно соединится с северными штатами для уничтожения невольничества черных, — невольничества, которое лежало гнетом на всей жизни всего североамериканского народа, пятном на доброй славе его. А добрая слава североамериканского народа важна для всех наций при быстро возрастающем значении Северо-Американских Штатов в жизни целого человечества. Теперь довольно будет этой общей характеристики события, которое известно нам лишь по отрывочным и кратким заметкам европейских газет; рассказ о нем отложим до следующего месяца, когда получим североамериканские газеты, описывающие ход дела 6 ноября.